ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Урал — железная река

Даниил НАЗАРОВ

На твоих дремучих берегах,
У твоих чарующих излучин
Оседала вольница в бегах,
Чтоб уйти от кары неминучей.
Здесь якшалась Тула с Костромой,
Обнималась Ладога с Рязанью.
И тайга звенела острогой,
Отливала чешуей сазаньей.
Привечал гостей ты горячо:
Хлебом, солью, ласковым уютом.
И за то раденье Пугачев
Жаловал стопушечным салютом.

Ты, дымясь, мятежно клокотал,
А ведь был когда-то больно кротким.
...Час пришел. Раскованный металл
По фашисту бил прямой наводкой.
Гнал взашей, сметал наверняка,
Никому ни в чем не потакая,
О Урал, — железная река,
Силища несметная какая!
Ты, как в сказке, грозен и красив,
Ворогу любому неподвластен.
Счастлив я, что есть ты на Руси,
Трижды — тем, что я к тебе причастен.

Космонавт

П. Р. Поповичу.

Над городом звездная чаша
до зорьки рассветной горит.
Парнишка по имени Паша
в бездонное небо глядит.
Дымок над мартенами вьется,
гудок басовито поет,
а сердце под форменкой бьется
и в звездные дали зовет.
На цыпочках сон отступает,
пружинится плеч разворот...
Парнишка того и не знает,
что слава его уже ждет.

Город жизни моей

Где бы ни был я, друг и товарищ найдется,
встретят лаской Москва, Заполярье и Крым.
Где б ни шел я, а сердце всегда остается
у подножия горбатой Магнитной горы.
Вспоминаются трубы горячих мартенов,
запах яблонь и радостный смех детворы.
Вспоминаю друзей, уходящих на смену
по ступенькам железной Магнитной горы.
Ты мне, город родной, по-особому дорог,
по-отцовски приветлив и щедр на дары,
ты — ровесник и брат мне, мой труженик-город,
сын ковыльных степей и Магнитной горы!

Виталий ЮФЕРЕВ

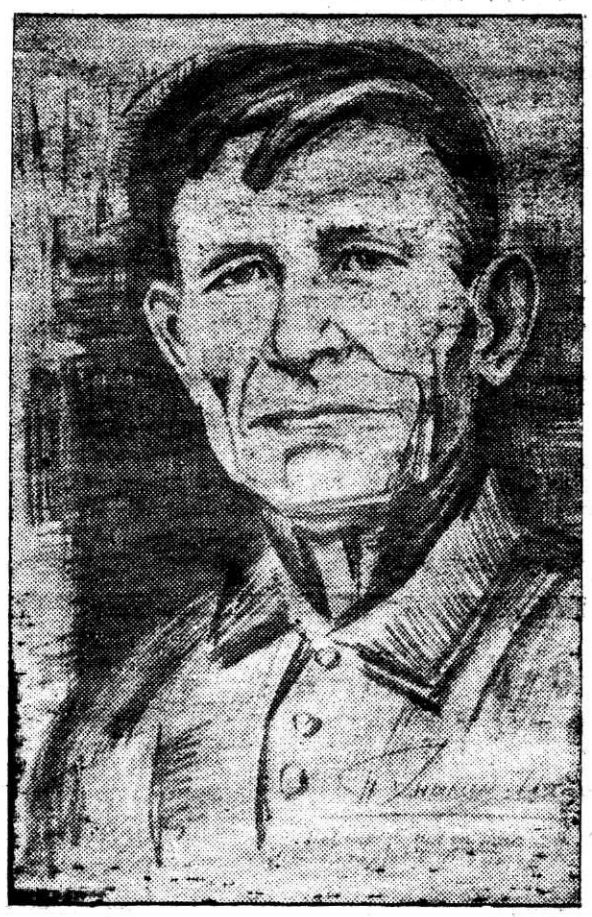
Ветеран

Навсегда с дыханием мартена
породнился жар его души.
Всякий раз, идя в завод, на смену,
он невольно память ворошит:

комсомольцем, пареньком чубатым,
обгоняя снежный ураган,
в незабвенном памятном —
тридцатом —
он копал под домну котлован.

Помнит он, как первые зарницы
зажигались над Магнит-горой.
Знает он, как сталь в печи искрится,
с непроглядной споря темнотой.

Он идет, покрытый сединою,
а в глазах — вся юность говорит.
Золотая звездочка Героя
в пять лучей немеркнущих горит!



Степан Федорович ГУТАРОВ приехал строить Магнитку в 1931 году. Работал на строительстве комбината бетонщиком, газоспасателем, а в 1935 году, после окончания курсов, стал сварщиком нагревательных колодцев в сортопрокатном цехе. За доблестный труд С. Ф. Гутаров награжден орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалями.

В 1963 году Почетный металлург С. Ф. Гутаров ушел на пенсию. Но беспокойный характер и сейчас не дает Степану Федоровичу сидеть без дела. Он член народной дружины.

Сегодня Степану Федоровичу Гутарову исполняется шестьдесят лет. Долгих лет жизни и счастья Вам, Степан Федорович!

Рисунок П. Хныкина.

Геннадий КОРЧАГИН

Преодолевая заслоны

РАССКАЗ

В кабинет начальника отделения железной дороги заглянула секретарь Наташа:

— Степан Панкратьевич! К вам Демин...

— Демин? — В сознании Дальнозорова мелькнула радостная мысль: «Как кстати! Может, посоветует что-нибудь...»

— Зови поскорее, Наташа!

В кабинет, прихрамывая на правую ногу, вошел высокий плотный усач, старый железнодорожник.

— Добро пожаловать, Александр Тимофеевич!

Дальнозоров встал, протягивая руку для приветствия.

— Здравствуйте, товарищ командир!

— Прошу, присаживайтесь.

— Благодарю. Второй месяц и лежу, и сижу. Как услышу свисток — думаю: поезд на проход пошел. Я на пенсии, как вагон в тупике. Душит меня хозяйский армяк, а в железнодорожной форме и грудь вольней.

Александр Тимофеевич замолчал, опустил голову. В наступившей тишине слышалось лишь легкое постукивание секретарской пишущей машинки, да в открытую форточку с посвистом врывалась снежная метелица.

Дальнозоров задумался. В краткий миг паузы припомнился ему год, когда перед его взором появился высокорослый, в потрепанной серой шинели, солдат. Гвардии рядовой запаса, еще не окрепший после госпитальной палаты, попросил самый ответственный участок.

Как поезда следуют по расписанию, так и Александр Демин делал свои обходы. Закрепленные за ним два участка одного околотка требовали особого внимания: тяжеловесные поезда расшатывали верхнее строение пути. Демину приходилось туго. Но он не обращал внимания на щемящую боль в раненой ноге. На вопрос: «Как дела?» отвечал просто и скупо: «Дела, как дела, лучше, чем вчера».

Демин вывел свой участок в передовые: за двадцать лет работы обходчиком не было на его участке ни одного «ЧП».

Памятным для Дальнозорова остался тот день, когда он, отбивая «цыганочку» на свадьбе Демина с многодетной солдатской вдовой Прудниковой, проломил пол. Нелегко досталось Демину воспитание четырех приемных детей. Но всех он в новой семье вырастил, всем дал путевку в жизнь. И все они работают теперь у Дальнозорова в отделении дороги: кто машинистом, кто диспетчером или дежурным, как младшая дочь Танечка.

Дальнозоров скрестил руки на столе, нервно сжимая пальцы. Понимал: неспроста заявился к нему Демин.

— Не пойму, Александр Тимофеевич, что привело тебя в пургу? Погожего дня не хватило...

Демин сбил с усов ледяные сосульки.

— Оно-то так, Степан Панкратьевич. Да вот прослышал я, что у вас рабочих рук нехватка. Пришел предложить свои услуги. Туда, куда молодежь не ахти идет, — в обходчики. Да и моя Анна берется мне помогать: вдвоем сдюжим.

Старик расстегнул дубленый полушубок, достал из форменной тужурки старую прокуренную трубку.

— Жалко мне, Тимофеич, посылать тебя в стужу на многие километры в обход. Повремени до тепла — убеждал хитровато Демина Дальнозоров, а сам думал: «Не принять, значит, осложнить положение на участке. Один обходчик болен, другой — рассчитался, третий — ни два, ни полтора — того и гляди сбежит».

Демин не отступал:

— Так ведь, Степан Панкратьевич, производство в нужде. Принимай, принимай, сгодимся!

Дальнозоров улыбнулся, радуясь, хотя и не давали ему покоя возраст Демина (за шестьдесят уже) и личная ответственность за порядок на участке. Решился:

— Хорошо, Александр Тимофеевич, принимаю. Но будет невмоготу — не стесняйся, вовремя скажи.

Зима выдалась лютая, с крепкими морозами, навалилась на округу вьюжными крутовертями. Начались завалы дорог снежными сугробами, около десяти дней бесновалась пурга. Срывалось от этого снабжение топливом промышленного центра. Склады мазута день ото дня истощались, таяли угольные запасы, а металлургический комбинат питался, можно сказать, «с колес». На станциях в разъездах длинными вереницами стояли вагоны с металлоломом, лесом, стройматериалами и продуктами. Стояли десятки столь нужных городу, комбинату поездов, разбросанных по всему участку дороги.

Приемный сын Демина Михаил был срочно вызван к начальнику отделения дороги. Насупив брови, как командир перед боем, Дальнозоров твердо сказал:

— Михаил, выручай! Скопление поездов нас вяжет по рукам. Погода неблагоприятная — заносы. Но город страдает без топлива. Нужно в первую очередь поднять наливной тяжеловес с мазутом.

— Требуется зеленая улица топливу.

— Знаю, Миша, тяжело, но надо.

Михаил сдвинул черные брови, на лбу отчетливо обозначились крупные морщины.

— Разрешите идти?!

— Иди, сынок. Успеха тебе.

Вьюга крепчала.

Снегоочистители, поблескивая желтыми огнями, раздвигали и отбрасывали снежные заносы, но вьюга следом опять заметала колею. Белые колючие языки метелицы плотно оседали на линию. Анна Васильевна снарядила мужа и старшего сына в ночную смену. Собрала нехитрый харч, не забыла дать старику термос с горячим чаем: когда еще представится возможность обогреться. Прикрепив к широкому солдатскому поясу рожок, петарды в металлической банке, переложив флажки в дорожную сумку, Александр Тимофеевич зажег фонарь и вышел из дому.

Гудки маневровых тепловозов, частые оповестительные сигналы снегоочистителей говорили о плохой видимости на участке. Посвечивая фонарем, он медленно шел по своему околотку, внимательно осматривая стыки рельсов. На сорок седьмом километре он особенно обратил внимание на большую кривую, ту, что в нормальных условиях представляет трудности для вождения поездов, а в непогоду — тем более.

(Окончание следует).